

УДК 1(091)

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА В ВОЛНОВОЙ ТЕОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ Э. ТОФФЛЕРА

Е.В. Алехина*, Л.А. Демина, И.И. Семаева*, А.В. Деникин*****

*ГБОУ ВО МО Московский государственный областной университет,
г. Москва

**ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва.

*** ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации» (Финансовый университет), г. Москва

Анализируется концепция социокультурного развития Э. Тоффлера. Особое внимание уделено рассмотрению предложенного им видения современности как цивилизации «третьей волны», а также анализу порождаемым в её контексте противоречиям социокультурного развития.

Ключевые слова: *цивилизация, цивилизационный тип, третья волна, постиндустриальное общество.*

История мировой философской мысли свидетельствует о многообразии различных теорий развития человечества, его периодизации по историческим эпохам, стадиям, формациям и типам цивилизаций. Каждая из этих теорий подчеркнула ту или иную действительно истинную особенность развития общества, оставаясь в принципе релятивной, неполной и взаимно дополняемой. Именно XIX–XXI столетия были наиболее богатыми и плодотворными формационными и цивилизационными теориями исторического развития общества. К числу таких теоретических моделей относится и тоффлеровская волновая теория исторического развития цивилизаций, которая базируется на исторических концепциях К. Маркса, Н.Я. Данилевского, У. Ростоу, А. Тойнби, Д. Белла, на теории технотронного общества З. Бжежинского и других европейских и американских футурологов.

Элвин Тоффлер (1928–2016) – американский социолог, философ и публицист-футуролог, написал такие значимые работы, как «Шок будущего», «Культурные потребители», «Доклад об экоспазме», «Третья волна», «Предварительные заметки и перспективы», «Восприимчивая корпорация» и др.

«Третья волна» Э. Тоффлера – широкомасштабное произведение, в котором описываются старая сельскохозяйственная цивилизация (Первая волна), индустриально-техническая цивилизация (Вторая волна) и современная технотронная цивилизация (Третья волна). В этом произведении американский футуролог стремится обрисовать будущее общество XXI в. как возврат к доиндустриальной цивилизации на новой информационно-компьютерной технологической основе.

Реалистично оценивая свой вклад в историческую теорию развития, Э. Тоффлер писал: «Когда я был марксистом (это было уже более двадцати пяти лет назад), я, как и многие молодые люди, полагал, что у меня есть ответы на все вопросы. Скоро я понял, что мои ответы односторонни и устарели. Но главное – я пришел к пониманию того, что правильный вопрос обычно более

важен, чем верный ответ на ложный вопрос». Исходя из этого, Э. Тоффлер делает «скромный» вывод о своем теоретическом вкладе: «“Третья волна” не объективный прогноз и она не претендует на то, чтобы быть научно обоснованной», хотя она и «...основана на большом массиве данных и на том, что может быть определено как полусистематическая модель цивилизации и наших взаимоотношений с ней» [1, с. 26–28].

Нельзя не видеть, что и цивилизационная теория Тойнби, и теория стадий У. Ростоу, и концепция Д. Белла, и теория технотронного общества З. Бжежинского, и, наконец, волновая теория цивилизаций Э. Тоффлера *имеют общий «корень», исходят из формационной теории исторического развития К. Маркса*, ибо все они за критерий развития берут экономический фактор как главный и определяющий, исходят из марксистского тезиса о том, что эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, с помощью каких средств труда. То есть определяющим фактором исторического развития является степень развитости, совершенства техники, технологии, естественных и прикладных технических наук. Для волновой теории Тоффлера все социальные изменения в обществе – прямой непосредственный рефлекс технического прогресса. Именно в этом и состоит «родство» формационной теории Маркса и волновой теории футуролога Э. Тоффлера. Такая концептуальная преемственность объективно неизбежна, когда новая теория «опирается на плечи» предшествующих титанов философско-социологической мысли. Это, по Гегелю, именно диалектическое отрицание, с удержанием в новом историческом качестве определенных сторон, свойств предшествующих значимых теорий.

Определив в основном концептуальные контуры и критерии теории цивилизационных волн американского исследователя, его исходные методологические позиции, сосредоточим внимание на обстоятельном анализе тоффлеровских Первой, Второй и Третьей волн в истории развития общества, т. е. вместе с Тоффлером «оглянемся назад», в прошлое, проанализируем технократическое настоящее в развитии современного общества и устремим свой «интеллектуальный взор» в будущее развитие человечества в наступившем третьем тысячелетии.

Несомненно, достоинством тоффлеровской концепции волновых цивилизаций является то, что история общества описана футурологом не в статике, а в динамике, в социальных противоречиях, в революционных переменных, в непрерывной борьбе нарождающегося нового с консервативным сохраняющимся старым. Эта диалектика истории у Э. Тоффлера представлена в предельно напряженном виде, когда во многом остается не ясным исход и результат этой борьбы двух противостоящих исторических тенденций. Прав был великий Гегель, когда провозгласил: «Противоречия – вот что на самом деле движет миром».

В своей теории цивилизационных волн Э. Тоффлер в полной мере воплотил этот диалектический гегелевский принцип исследования. Все те определения революционных изменений в современном обществе, которые дали З. Бжежинский, Д. Белл, советские теоретики научно-технического прогресса, отмечает Тоффлер, «...далеки от того, чтобы передать всю силу, размах и динамику перемен, надвигающихся на нас, или того напряжения и конфликтов, которые эти перемены влекут за собой. Человечество ждет резкие перемены. Оно стоит перед глубочайшим социальным переворотом и творческой реорга-

низацией всего времени» [1, с. 32]. Причем локомотив истории постепенно ускоряет свой ход: образно говоря, человечество начинало двигаться пешком, затем пересело на лошадей, затем в эпоху индустриализации - на автомобиль и самолет и в настоящее время постиндустриального общества летит с космической скоростью ракет и спутников.

«Первая волна перемен – сельскохозяйственная революция – потребовала тысячелетий, чтобы изжить саму себя. Вторая волна - рост промышленной цивилизации – заняла всего лишь 300 лет. Сегодня история обнаруживает еще большее ускорение, и вполне вероятно, что Третья волна пронесется через историю и завершится в течение нескольких десятилетий» [1, с. 32–33]. И далее: «...то, что происходит сегодня – это глобальная революция, дискретный прыжок с точки зрения истории» [1, с. 37]. Полная природными и социальными катаклизмами, современная эпоха вызывает у многих людей пессимизм, неверие в настоящее и будущее, «...поскольку будущего вообще нет», что приводит к «параличу воображения и воли», «порождает отход от общественной деятельности и пассивность» многих современников [1, с. 36]. Так характеризует Э. Тоффлер господствующие в современном западном и американском обществах эсхатологический психологический климат и настроения среди людей.

Сельскохозяйственная цивилизация, просуществовавшая много столетий, была довольно устойчивой и стабильной исторической фазой развития общества. Казалось, она могла существовать вечно. «Поэтому вплоть до 1650–1750 гг. мы можем говорить о Первой мировой волне... в целом она преобладала на всей планете, и казалось, что так будет во веки веков» [1, с. 53]. Однако Вторая волна вызревала в недрах Первой волны: появились социальные силы индустриализаторов, промышленников, которые пришли в столкновение с феодально-земледельческими традиционными силами. Решительно отходя от марксистского понимания борьбы между господствующими и угнетенными классами, Э. Тоффлер сужает и упрощает чрезвычайно сложную проблему классового противостояния до признания лишь борьбы за управление делами общества. «Борьба шла за решение гораздо более широкого вопроса: кто будет управлять богатым новым континентом – фермеры или индустриализаторы, т. е. силы Первой или Второй волны? Будет ли грядущее американское общество в основе своей сельскохозяйственным или индустриальным?» [1, с. 55].

Настаивая на этом весьма проблематичном толковании противоречий между Первой и Второй волнами, Э. Тоффлер идет еще дальше: стремится интернационализировать эту экономическую управленческую борьбу, распространив ее на Западные и Восточноевропейские страны и континенты, на Азию, Японию и даже Россию. По подсчетам американского футуролога, индустриальная цивилизация «...охватывает... 1 млрд человек, т. е. четверть населения земного шара» [1, с. 57].

Что касается России, то, по утверждению Э. Тоффлера, здесь «также возникла коллизия между силами Первой и Второй волн. Революция 1917 г. была русским вариантом гражданской войны в Америке. В первую очередь она была направлена не на построение коммунизма, как это казалось, а опять-таки на *индустриализацию*. Когда большевики стерли с лица земли последние сохранявшиеся так долго остатки крепостничества и феодальной монархии, они отодвинули на задний план сельское хозяйство и совершенно преднаме-

ленно стали ускорять развитие индустриализации. Они оказались партией Второй волны» [1, с. 56].

Такого рода оценки и выводы Э. Тоффлера весьма далеки от исторической правды, не учитывают специфику социальных изменений в той или иной стране или государстве. Ибо, во-первых, бездоказательно игнорируется и отбрасывается социально-классовый фактор как важнейший в развитии любого общества, Он просто объявляется американским футурологом не существующим в реальной истории человеческого общества! Во-вторых, люди, участвующие в социально-классовой борьбе, произвольно переводятся Э. Тоффлером в ранг промышленно-технократический: управляющие, управляемые, фермеры, промышленники, сельскохозяйственные работники, промышленные работники и т. д., т. е. социальные слои и группы классифицируются по производственно-профессиональным признакам. В-третьих, Э. Тоффлер весьма старательно и настойчиво «обходит» проблему собственности вообще и частной собственности – в особенности. В связи с этим качество и количество распределяемых средств материальных и финансовых, т. е. в конечном счете – острейшая проблема любого общества – проблема *богатства и бедности* – автором Третьей волны полностью игнорируется.

Таким образом, будучи в начале своей теоретической деятельности марксистом, Э. Тоффлер постепенно отходит от марксистской доктрины, создавая свою волновую теорию. При этом он «забывает» взять в свой теоретический багаж весьма важный феномен – классы, классовую борьбу, социальную революцию, заменив последнюю промышленной, научно-технической. Тем самым Э. Тоффлер, как и многие другие американские теоретики, настойчиво пропагандирует лозунг технократов XX столетия: «Эпоха социальных революций прошла, наступила эпоха научно-технической революции».

Характерной особенностью технократических теорий общественного развития является их исходная методологическая установка в духе философии экономического материализма: главным определяющим фактором исторического развития является комплекс объективированных материально-экономических явлений и условий, которые затем определяют и влияют на духовно-культурные составляющие человеческого общества, как бы творят и порождают эти вторичные идеальные явления. То есть в результате такой исходной установки по принципу «материя первична, сознание – вторично» по существу исключается деятельно-творческий идеальный методологический принцип: «идеальное, сознание творит материю». При втором же подходе человек, социальные слои и классы, все общество превращаются из страдательно воспринимающего удары материализованной судьбы индивидуального или коллективного субъекта в активную, творческую, созидательную личность, создающую в процессе своей распрямляюще-опредмечивающей деятельности «вторую природу», очеловеченную, онаученную и технизированную, т. е., как справедливо утверждают многие философы, человек не только отражает своим сознанием объективный мир, но и творит его, «удваивая» окружающий предметный мир в процессе своей трудовой деятельности.

Следовательно, для того чтобы адекватно отразить в теории исторического развития субъективные и объективные составляющие, необходимо не одностороннее, а двухстороннее «движение»: от материального к идеальному и от идеального к материальному. К сожалению, тоффлеровская концепция

Второй индустриальной волны исходит только из первого принципа движения – от материального к идеальному, духовно-культурному.

При этом Э. Тоффлер справедливо утверждает, что «необходимым предварительным условием всякой цивилизации, старой или новой, является энергия». В сельскохозяйственной цивилизации Первой волны источником энергии являлись мышечная сила человека и животных, энергия солнца, воды, ветра, приливов и отливов морей и океанов. «Даже животные и люди были “энергетическими рабами”, которых можно было заменить» [1, с. 58]¹. Ориентируясь на землю и почвы как на основной энергетический источник жизни человека и общества, цивилизация использовала в основном естественные восстанавливаемые и самовоспроизводящие источники энергии.

Однако, с началом Второй индустриальной волны энергетическая ситуация коренным образом меняется, точнее, существенно дополняется энергетический потенциал первой сельскохозяйственной волны. Впервые индустриальная цивилизация разрушает основной капитал природы за счет усиленной эксплуатации природных богатств, ископаемых и ресурсов: угля, нефти, газа и др. Эти природные ископаемые можно выкачивать из недр земли, как считали, бесконечно долго: «И в капиталистическом, и в коммунистическом индустриальном обществе, на Востоке и на Западе стал очевиден один и тот же сдвиг – от рассредоточенной энергии к концентрированной, от возобновляемой - к невозобновляемой, от многих разных источников и видов топлива – к немногим. Ископаемое топливо послужило энергетической базой для всех обществ Второй волны» [1, с.59].

Односторонне увлекшись самими естественными природными ресурсами энергии, американский футуролог не отвечает на важный вопрос, *кто этот субъект*, который стал способным и во время Первой волны, и во время Второй волны извлекать из природы, из недр земли полезные ископаемые, использовать мышечную силу человека и животных, энергию солнца, воды, ветра, пара, электричества и т.д.

За этими энергетическими силами стоял и стоит человек во всеоружии своих интеллектуальных сил и способностей. Ведь для того чтобы извлечь и использовать эти природные силы необходима духовно-творческая способность человека и всего общества, необходимы научно-технические знания и производственный опыт. Маркс в «Капитале» заметил, что идея, идеальное идет впереди процесса труда и его результата – продукта. Что машины, технология, железные дороги, телеграф и другие технические устройства – это «органы человеческого мозга, овеществленная сила научного знания». Именно при таком разумно-идеалистическом подходе к проблеме источников энергии они выступают не как «манна небесная», свалившаяся объективно на головы людей и человечества, а как результат активной трудовой деятельности людей, которые, удовлетворяя свои потребности и интересы, тем самым усиливают свою адаптацию к природным и социальным условиям и тем самым обеспечивают свое жизненное существование. К сожалению, этот важный деятельностно-человеческий аспект «ускользнул» из поля зрения Тоффлера, усиливая тем самым технократическое понимание им существа проблемы.

¹ Э. Тоффлер приводит такие статистические данные: Европа в сельскохозяйственный период получала энергию от 14 млн лошадей и 24 млн быков.

В коротком параграфе под характерным названием «Технологическое чрево» американский исследователь проводит ту же технократическую линию, утверждая, что «Вторая волна подняла технологию на совершенно новый уровень. Она породила гигантские электромеханические машины... И эти новые машины не просто увеличивали силу живых мышц. Индустриальная цивилизация развила технологию органов чувств, создавая машины, которые могли слышать, видеть и осязать с гораздо большей точностью, чем на это способны люди. Она породила технологию чрева, изобретая машины, предназначенные для того, чтобы создавать в бесконечной прогрессии новые машины, т. е. станки для производства машин». Тем самым «новая технология, питаемая новой энергетической системой, открыла двери для массового производства» [1, с. 60–61]. Это, конечно, вполне справедливые суждения, однако, как уже было отмечено выше, Тоффлер не учитывает в своей теории волн цивилизаций определяющую роль идеального, сознательно-активного человеческого фактора или отводит этому идеальному вторичную следственную роль и значение.

Развитие энергетики и машиностроения, по логике Тоффлера, неизбежно вызвало коренные структурные изменения в сферах экономического распределения товаров, в семейно-брачных отношениях, в народном образовании, в развитии корпоративного бизнеса, в средствах информации и коммуникаций и даже в такой далекой от экономики сфере, как искусство, музыка и литература. Здесь Тоффлер остается верным марксистскому положению о том, что именно характер и уровень развития производительных сил определяет всю инфраструктуру индустриального общества, его духовно-культурную и образовательную составляющие. «Во всех обществах энергетическая система, система производства и система распределения – это взаимосвязанные компоненты некоего гораздо более крупного целого. Это целое и является техносферой, имеющую свою особую форму на каждом этапе социального развития» [1, с. 62–63]. Как следствие такого технического развития, появились во многих развитых странах универсальные магазины, «дворцы массовой торговли», торговые центры массового спроса и предложения.

Развитие индустриально-промышленного потенциала воздействовало самым непосредственным образом на коренное преобразование семейно-брачных отношений. Атаке подверглась в первую очередь большая семья феодального общества, при которой под одной крышей жило несколько поколений членов семьи, связанных между собой прямыми и косвенными родственными отношениями. Эта атака индустриализма на устои большой семьи протекала «...в форме конфликтов, падений матриархальных авторитетов, изменений в отношениях между детьми и родителями, в новых понятиях о собственности» [1, с. 63–64]. Большая матриархальная семья, утверждает философ, перестала соответствовать динамичной и мобильной индустриальной социальной системе. «Перегруженная престарелыми родственниками, больными и увечными, а также большим количеством детей, большая семья была чем угодно, но только не мобильной ячейкой» [1, с. 63–64].

На смену этой большой семье неизбежно пришла малая («нуклеарная») семья, состоящая из отца, матери и нескольких детей, не обремененная близкими и дальними родственниками. Таким образом, в эпоху Второй волны малая семья стала стандартной, социально признанной моделью семьи во всех

индустриальных обществах, как капиталистических, так и социалистических, подчеркивает Э. Тоффлер.

Конечно, нельзя отрицать большого влияния на структуру и функции семьи экономического фактора, оно было, есть и будет в любом обществе. Однако, как говорят, «не хлебом единым жив человек». Так и семья является результатом воздействия многих природных и социальных закономерностей и явлений: демографических, половозрастных, физиологических, психологических, статусных, мировоззренческих, религиозных, культурных и др. Демографическая динамика и ситуация в современном мире есть равнодействующая как экономических, так и политических, этнических, национальных, мировоззренческих и других социально-культурных факторов. Э. Тоффлер же в своей волновой теории упрощает и экономизирует эту весьма сложную семейно-брачную систему и в сельскохозяйственной, и в индустриальной, и в постиндустриальной цивилизациях.

Американский философ вполне резонно считает, что машинное производство вызвало необходимость в повышении уровня и объема образования главной производительной силы общества – человека, работника, с тем чтобы уровень знаний и производственный опыт работников соответствовали и полностью «удовлетворяли» потребности техники, технологии, поточно-массового производства. Народное образование стало строиться по фабрично-промышленному образцу и включало в себя основы грамотности, письма, арифметики и немного истории, а главное – научило работника массового машинного производства пунктуальности, послушанию начальству и выполнению однообразной механической работы. Таковы были и есть жесткие требования к работнику технико-технологической системы машинного производства.

Следует иметь в виду, что классическая машина состоит из трех функционально связанных между собой частей: орудийной, передаточной и энергетической. В ходе исторического развития техники происходит процесс неуклонной передачи указанных технологических функций от человека к машине, работник «становится рядом с процессом производства, вместо того чтобы быть его главным агентом». Это означало, что за работником оставалась одна умственная функция – контрольно-управляющая, состоящая в том, чтобы следить за работой машин, периодически настраивая и ремонтируя их. Такая объективно сложившаяся производственная ситуация *требовала образованного работника, органично соединенного с самой машиной, превращения человека в контрольно-управляющую функцию*. В этой связи прав Э. Тоффлер, когда утверждает, что «...школы Второй волны подвергли механической обработке одно за другим поколения молодых людей, готовя из них податливую унифицированную рабочую силу, в которой нуждалась электромеханическая технология и поточные линии на производстве» [1, с. 66]. В результате, о чем забыл американский футуролог упомянуть, растет негативное отчуждение работника, как от процесса производства, так и от его продуктов, т. е. усиливается как непонимание работником комплексного производственного процесса, продуктов труда, так и психологическое состояние одиночества и покинутости человека в этом «густонаселенном» производственном коллективе, в обществе.

«Отчуждение – философско-социологическая категория, выражающая объективное превращение деятельности человека и его результатов в относительно самостоятельную силу, оказывающую обратное воздействие на весь

процесс жизнедеятельности человека и общества. Отчуждение носит универсальный и вечный характер, оно свойственно человеческому обществу на всех этапах его развития» (2, с. 12) К. Маркс в формационной теории отрицал позитивное отчуждение, настаивая лишь на негативном социально-классовом характере отчуждения. Второй индустриальной волне свойственно неуклонное возрастание позитивного и негативного отчуждения как результата распределительно-опредмечивающей производственной деятельности людей.

В работе «Третья волна» Тоффлер справедливо отмечает, что без широкого развития почты, телеграфа, телефона, телевидения, компьютерной техники успешное функционирование и развитие Второй индустриальной волны было бы невозможно. «Эта инфосфера, – пишет он, – переплелась с технико- и социосферами, которые она обслуживает, помогая интегрировать экономическое производство с поведением отдельных людей» [1, с. 76].

В результате развития машинного производства, образования и сферы коммуникации и информации Вторая волна разделила на две «половинки» ранее существовавшие в единстве производство и потребление. Если в сельскохозяйственной цивилизации эти две стороны общественного производства существовали в единстве, то в индустриальную эпоху образовались две относительно самостоятельные сферы – производство товаров и потребление товаров. «Вместо самодостаточных по существу людей и сообществ она впервые в истории создала такую ситуацию, при которой подавляющее количество всех продуктов, товаров и услуг стало предоставляться для продажи, меновой торговли или обмена... создала цивилизацию, в которой почти никто, в том числе и фермер, не является более самодостаточным. Каждый человек стал почти полностью зависеть от товаров и услуг, производимых кем-то другим» [1, с. 81–82]. Таким образом, Вторая волна сплотила воедино всех людей в сообществе, усилила жизненную взаимозависимость каждого от каждого, разрушила производственно-территориальный суверенитет человека, существенно ограничила его свободу и самостоятельность социального существования. «Как только производитель и потребитель разошлись друг с другом, стал необходим механизм, выступающий посредником между ними. Таким механизмом, какова бы ни была его форма, и является то, что называется рынком... Ибо рынок в собственном смысле слова это... система обмена, как бы коммутатор, благодаря которому товары или услуги, подобно сообщениям, направляются в места своего назначения» [1, с. 82–83]. Рыночные отношения, пишет Э. Тоффлер, солидаризируясь с Марксом, проникли не только в общественное производство, но и во все другие сферы жизни людей. «Личные отношения, семейные связи, любовь, дружба, связь с соседями и земляками – все пропиталось духом коммерческого своекорыстия» [1, с. 85]. Можно согласиться с выводом американского футуролога, что «Маркс был совершенно прав, выявляя эту дегуманизацию межличностных связей; однако, он был не прав, приписывая этот процесс только капитализму» [1, с. 85].

Список литературы

1. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.
2. Алехин В.В. Отчуждение и социальное управление. Донецк: ДонГАУ, 2000. 294 с.

HISTORY OF SOCIETY IN A. TOFFLER'S IN A. TOFFLER'S WAVE THEORY OF CIVILIZATION

E.V. Alekhina*, L.A. Demina, I.I. Semaeva*, A.V. Denikin*****

* Moscow Region State University, Moscow

** Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow

*** Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

The article is focused on A. Toffler's theory of socio-cultural development. His vision of the contemporary «third wave» civilization, its deep socio-cultural contradictions are analyzed.

Keywords: *civilization, civilization type, the third wave, post-industrial society.*

Об авторах:

АЛЁХИНА Евгения Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии ГБОУ ВО МО Московский государственный областной университет, Москва. E-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru.

ДЕМИНА Лариса Анатольевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-экономических дисциплин ФГБОУ ВО «Московский государственного юридического университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Москва. E-mail: ldemina05@mail.ru

СЕМАЕВА Ирина Ивановна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии ГБОУ ВО МО Московский государственный областной университет, Москва. E-mail: irinasemaeva@yandex.ru

ДЕНИКИН Анатолий Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), Москва. E-mail: andenikin@yandex.ru

Authors information:

ALEKHINA Evgenia Viktorovna – PhD, Prof. of the Philosophy Dept., Moscow Region State University, Moscow. E-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru.

DEMINA Larisa Anatolievna – PhD, Prof. of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). E-mail: ldemina05@mail.ru

SEMAEVA Irina Ivanovna – PhD, Prof. of the Philosophy Dept., Moscow Region State University, Moscow. E-mail: irinasemaeva@yandex.ru

DENIKIN Anatoly Vasilievich – PhD, Prof. of the Philosophy Dept., Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Moscow. E-mail: andenikin@yandex.ru